

Рец. на кн.: JONAS BENS. *THE SENTIMENTAL COURT: THE AFFECTIVE LIFE OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2022. XIV+250 p.

Nikita Vitalyevich Shevchenko

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
nshevchenko@eu.spb.ru

Аннотация: Книга Йонаса Бенса посвящена работе Международного уголовного суда. В центре внимания автора процесс над Домиником Онгвеном, ответственным за массовые убийства мирного населения в нескольких африканских странах. Полевая работа Бенса проходила в Гааге и на севере Уганды, что позволило ему детально описать как процедуры международного правосудия, так и реакцию на них в стране, пострадавшей от насилия. Создавая насыщенную этнографию института, автор стремится показать роль чувств и эмоций в юридических процедурах и глобальных организациях, утверждающих собственную рациональность и универсальность. Бенс отталкивается от антропологии права и исследований эмоций и, стремясь преодолеть их логоцентризм, обращается к теориям аффекта. Однако, декларируя значимость аффекта, автор лишь отводит ему роль ярлыка, не создавая рабочей концептуализации, которая позволила бы специфицировать знание о чувствах в глобальном правосудии. Не кажется убедительной и разворачиваемая в последней части книги критика модерности, разоблачающая ее рациональность в качестве определенной формы аффекта.

Ключевые слова: теория аффекта, Международный уголовный суд, этнография суда, исследования права.

Для ссылки: Шевченко Н. Рец. на кн.: Jonas Bens. *The Sentimental Court: The Affective Life of International Criminal Justice*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2022. XIV+250 p. // *Антропологический форум*. 2024. № 63. С. 213–222.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-63-213-222

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/063/shevchenko.pdf>

A Review of JONAS BENS, *THE SENTIMENTAL COURT: THE AFFECTIVE LIFE OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022, XIV+250 pp.

Nikita Shevchenko

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
nshevchenko@eu.spb.ru

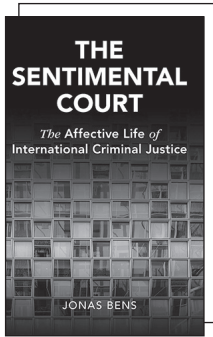
Abstract: The book by Jonas Bens examines the work of the International Criminal Court. It focuses on the trial of Dominic Ongwen, responsible for the massacre of civilians in Africa. The fieldwork for the study took place in The Hague and Northern Uganda. It allows Bens to describe both the procedures of international justice and the reactions to them in detail. By presenting a rich ethnography of the institution, the author seeks to bring to light the role of feelings and emotions in legal procedures and global organisations that proclaim the rationality and universality of their approaches. Bens draws on from an anthropology of law and emotion studies, and, in an effort to overcome their logocentrism, turns to theories of affect. However, while stating the importance of affect, the author merely labels it, without creating a working conceptualisation that would allow for the specification of knowledge about affect in global justice. The author's criticism of modernity in the last part of the book, which exposes its rationality as a particular form of affect, also seems unconvincing.

Keywords: affect theory, International Criminal Court, ethnography of the court, legal studies.

To cite: Shevchenko N., 'A Review of Jonas Bens, *The Sentimental Court: The Affective Life of International Criminal Justice*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022, XIV+250 pp.', *Anthropologicheskij forum*, 2024, no. 63, pp. 213–222.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-63-213-222

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/063/shevchenko.pdf>

Рец. на кн.: **Jonas Bens. *The Sentimental Court: The Affective Life of International Criminal Justice.*** Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2022. XIV+250 p.

Книга Йонаса Бенса посвящена работе Международного уголовного суда. В центре внимания автора процесс над Домиником Онгвеном, ответственным за массовые убийства мирного населения в нескольких африканских странах. Полевая работа Бенса проходила в Гааге и на севере Уганды, что позволило ему детально описать как процедуры международного правосудия, так и реакцию на них в стране, пострадавшей от насилия. Создавая насыщенную этнографию института, автор стремится показать роль чувств и эмоций в юридических процедурах и глобальных организациях, утверждающих собственную рациональность и универсальность. Бенс отталкивается от антропологии права и исследований эмоций и, стремясь преодолеть их логоцентризм, обращается к теориям аффекта. Однако, декларируя значимость аффекта, автор лишь отводит ему роль ярлыка, не создавая рабочей концептуализации, которая позволила бы специфицировать знание о чувствах в глобальном правосудии. Не кажется убедительной и разворачиваемая в последней части книги критика современности, разоблачающая ее рациональность в качестве определенной формы аффекта.

Ключевые слова: теория аффекта, Международный уголовный суд, этнография суда, исследования права.

Центральная тема исследований немецкого антрополога Йонаса Бенса — право и аффект в ситуации постколониализма. Если в своей первой опубликованной книге Бенс рассматривал отдельные судебные дела, в которых представители коренных народов Америки выступали против правительств латиноамериканских государств или американских штатов [Bens 2020], то в рецензируемой монографии он сосредоточился на одном конкретном процессе Международного уголовного суда (МУС) над виновниками массовых убийств в Уганде. Опираясь на подробную этнографию аффективных механизмов работы глобального правосудия, автор ставит под вопрос рациональность не только исследуемого института, но и всего проекта Модерна.

Монография делится тематически на три части: «Атмосферы» (“Atmospheres”), «Сентименты» (“Sentiments”), «Политика» (“Politics”). Они освещают разные аспекты единой истории и задействуют схожие теоретические ходы, поэтому я не буду рассматривать

Никита Витальевич Шевченко
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
nshvchenko@eu.spb.ru

их по отдельности. Вместо этого я сперва опишу лежащий в основе книги этнографический сюжет и то, как автор подходит к его описанию, а затем рассмотрю два основных тезиса работы — об аффекте и рациональности.

Уганда — Гаага: этнография института

Первая локация книги Бенса — Уганда, восточноафриканское государство, с момента обретения своей независимости в 1962 г. терзаемое многочисленными повстанческими объединениями. Одна из повстанческих группировок — Господня армия сопротивления (Lord's Resistance Army), виновная в многочисленных вооруженных нападениях на мирные поселения на севере Уганды и в соседних странах. Ее визитная карточка — вербовка новых солдат с помощью похищения детей и их последующего обучения в своих лагерях. Одним из таких похищенных детей некогда был Доминик Онгвен, впоследствии прошедший подготовку в рядах армии, ставший командиром одной из бригад и осужденный в 2005 г. в связи с эпизодами нападений на лагерь временно перемещенных лиц¹.

Отправной точкой исследования Бенса и второй локацией книги стал нидерландский город Гаага. Здесь заседает Международный уголовный суд, начавший работу в 2002 г. на основании ранее принятого Римского статута². Именно подпись и последующая ратификация Римского статута вводят государство под юрисдикцию этого суда. На данный момент статут ратифицировали 124 страны, из которых 122 — страны-члены ООН. Деятельность МУС вызывает много споров с разных позиций, особенно сильна критика в Африке. Дискуссионам о легитимности суда Бенс в своей книге уделяет много внимания³.

Доминик Онгвен был арестован в 2014 г. Судебный процесс по его делу длился пять лет и завершился приговором о лишении свободы на 25 лет. В 2016 г. в разгар разбирательств Бенс начал

¹ Всего Международным уголовным судом были осуждены пятеро руководителей Господней армии сопротивления. На данный момент трое из пяти осужденных руководителей армии мертвы, ее основатель Джозеф Кони находится на свободе, а Онгвен — единственный, кто оказался в Гааге.

² Римский статут — международный договор, учредивший МУС, установивший его функции, юрисдикцию и структуру. Был принят в Риме 17 июля 1998 г. и вступил в силу с 1 июля 2002 г.

³ Лучше понять возможные предпосылки критики этого института как неокOLONиального помогает приводимая в книге карта, где отмечены страны, находящиеся под юрисдикцией МУС: это все государства Европы, такие развитые страны как Австралия, Япония и Южная Корея, практически все страны обеих Америк за исключением США, а также подавляющее большинство стран черной Африки, находящихся южнее Сахары (Р. XIV). Статут не ратифицирован практически ни в одной мусульманской стране и почти ни в одной стране Юго-Восточной Азии, включая Индию и Китай. Не ратифицирован он также в России и в примерно половине постсоветских стран. Примечательно, что до 2022 г. абсолютно все страны, в отношении политиков или военных деятелей которых МУС выносил свои приговоры, были африканскими (приговоры получили политики из семи стран).

свою полевую работу. Изучение процесса изнутри залов суда, где он проходил, и со стороны тех, кто наблюдал за его ходом и результатами на другом континенте, позволило Бенсу поставить вопрос о сущности современного международного права и соотношении рациональности и аффекта в работе его институтов.

На протяжении всей книги автор переключается между зданием международного суда в Гааге и небольшими городами на севере Уганды: «Я хотел выяснить, как правосудие переходного периода будет добираться из зала суда в Уганду и обратно» (Р. 3). Подобная мультилокальная этнография предполагает работу с разными типами материалов и разными стратегиями письма. Первый крупный сюжет, который рассматривает Бенс, — одно из судебных заседаний по делу Онгвена, где сторона обвинения демонстрировала присутствующим аудиозапись переговоров солдат его группировки. Почти никто в зале не понимал язык ачولي, на котором говорили боевики, но прокурор попросил переводчиков остановить работу и настаивал, что нужно не обращать внимания на слова, а просто слушать (Р. 28–29). Его целью было ужаснуть публику громким смехом в разговоре людей, только что устроивших кровавую расправу над мирными жителями. И ему это удалось.

Перемещаясь из зала суда в угандийскую деревню, Бенс смотрит на то, как там транслируется заседание, собирая перед экранами толпы людей, анализирует критику местных жителей в адрес МУС и дискуссии о групповой ответственности и ответственности самого Онгвена. В этих дискуссиях он выделяет две нарративные стратегии, в каждой из которых его внимание привлекает аффективная составляющая: Онгвен как жертва и продукт непрекращающегося насилия в нестабильном регионе и Онгвен как палач, насмехающийся над своими жертвами. В зависимости от типа материала Бенс обращается к разным подходам (культурологический анализ публичного дискурса, насыщенное описание, анализ нарративов и теория фреймов), каждый раз ставя в центр работу с аффектами и чувствами.

Проблема аффекта

В своих рассуждениях о праве и аффекте Бенс исходит из предпосылки, что в юридических науках и в обыденном сознании доминирует представление о том, что задача права — сдерживать эмоции, а беспристрастность является добродетелью суда и законодателя. Иными словами, право и эмоции разведены и противопоставлены друг другу. Закон всегда стремится скрыть свои эмоциональные основания, а чувства мешают эффективному исполнению правосудия. Задача Бенса как антрополога, соответственно, заключается в том, чтобы опровергнуть это пред-

ставление, показать, что в международном правосудии эмоции и чувства играют важную и, возможно, определяющую роль. Он развивает метафору Макса Вебера, писавшего, что возрастающая рационализация всех сфер жизни социума (и лишенный страстей закон — главный инструмент этого процесса) приведет в конечном счете к «полярной ночи тьмы и невзгод» (Р. 4). Автор указывает, что Вебер, описывая свои опасения относительно нарастающей рационализации общественной жизни и лишения ее всяких страстей и чувств, прибегает к достаточно эмоционально нагруженной метафоре. Следуя этому веберовскому образу, в котором угадывается скрывающийся за рациональностью закона и разума аффективный подтекст, Бенс обещает показать, что право не является противоположностью эмоций, а закон *чувствуется* не в меньшей степени, чем *мыслится*.

Вместе с тем Бенс противопоставляет свой подход *аналитическому логоцентризму* современных социальных исследований права (Р. 30). В антропологии юридического языка на пересечении с социолингвистикой сложилась традиция изучения юридических процессов как языкового взаимодействия, где акторы прагматически используют определенные риторические средства, влияя на ту или иную аудиторию (см., например, обзор этого направления у Элизабет Мерц: [Mertz 1992]). Бенс, соглашаясь рассматривать судебное заседание как пространство коммуникации, делает распространенный в современной антропологии ход — предлагает расширить набор вовлекаемых в этот процесс аргументов и не ограничиваться лишь языковыми средствами. С его точки зрения, смотреть следует на широкий перечень материальных объектов и внутренних состояний, тем самым подходя к процедуре правосудия как к *аффективной аранжировке*.

Тем не менее значительную часть книги Бенс работает именно с языком. Сперва он предлагает анализировать не только *знаки-символы* (если пользоваться пирсовским разделением), но и *знаки-индексы*. Это позволяет ему интерпретировать эпизод со смехом после резни, где слушателям в суде не были понятны значения слов, но сам смех был считан и эмоционально воспринят (впрочем, то, что смех и подобные ему проявления эмоций также могут восприниматься довольно широко, он не оговаривает). Бенс остается в пространстве языка, обращаясь к социальным исследованиям эмоций (Кэтрин Лутц, Арли Хохшильд, Мишель Розальдо), которые постулируют, что разделение на эмоции и разум — это западная современная идея, и предлагают изучать репертуары чувств, выражаемых в речи и на письме. Отдельно Бенс останавливается на анализе публичного дискурса: рассматривает телевизионные дебаты о легитимности МУС, одновременно с речевыми стратегиями спикеров уделяя внима-

ние их мимике, экспрессии, а также реакции на этот эфир граждан Уганды.

Оставаясь в рамках анализа языковых средств, Бенс высказывает важную мысль, но, на мой взгляд, не разрабатывает ее в достаточной степени. Используя по ходу текста синонимично слова «эмоции» и «чувства», он в качестве обобщающего понятия останавливается на слове “sentiment”¹, отмечая, что в английском языке оно может обозначать как мнение о чем-то, так и эмоцию относительно чего-то (Р. 13). Подобная трактовка предполагает, что эмоции и чувства по своей сути связаны с процессами нормативного смыслообразования, они являются предпосылками для разделения доброго и злого, справедливого и несправедливого и т.д.² Так обнаруживается фундаментальная связь права и чувств. И хотя эта идея в целом встраивается в ход рассуждений автора, она, к сожалению, не получает должного развития, которое, на мой взгляд, могло бы значительно усилить его работу. Сомнительным, в свою очередь, кажется предлагаемое Бенсом понятие *сентиментальной легитимности* (*sentimentalizing legitimacy*), которое указывает на выходящие за рамки рационального выбора способы создания правдоподобия или поддержания определенного порядка (например, юридической процедуры) и при этом вводится без оглядки на веберовское понятие харизматической легитимности (Р. 128).

Когда анализа языковых средств выражения эмоций и чувственных состояний оказывается недостаточно, автор мобилизует теорию аффектов, обращаясь к социальным исследованиям последних тридцати лет, базирующимся на делезианском понимании аффекта и субстанции у Спинозы (Константина Папулиас и Фелисити Каллард, Лиза Блэкман). Такой подход, отмечает Бенс, позволяет значительно расширить поле исследования, когда дело касается чувств. Все вокруг становится телами, все тела друг на друга оказывают влияние. Автор справедливо пишет об универсалистских амбициях подобной теории, которая может стать ответом на релятивистские тенденции и «коллекционирование бабочек», характерное для современной антропологии (Р. 37)³. Однако, вопреки отмечаемой им опас-

¹ В русском языке подходящим эквивалентом видится слово «настроение», используемое для описания мнений и эмоций больших групп людей («общественное настроение»).

² Схожим образом понятие эмоций и их связь со справедливостью и ценностями развивает в своей работе политический философ Марта Нуссбаум, указывая, что эмоции всегда предполагают оценку субъектом вызывающего их объекта [Nussbaum 2003: 19–88].

³ Сета Лоу в обзоре аффективного поворота в исследованиях пространства отмечает, что если исследования эмоций предлагают изучение отдельных эмоциональных культур и отдают предпочтение анализу дискурса и языковых средств их выражения, то «в понятии аффекта подчеркиваются транскорпоральные, нечеловеческие и инфицирующие аспекты, способность влиять и испытывать влияние» [Лоу 2024: 265]. Например, понятие аффективной атмосферы позволяет преодолеть

ности мании величия, Бенс тем не менее присягает этой теории, и то, как это сделано, кажется наиболее слабым местом работы, несмотря на многочисленные оговорки.

Аффект становится для Бенса универсальным ответом в каждой из семи глав: он находит его в представлениях о правдоподобности и объективности и в структуре неокOLONиальных отношений, добавляет его в качестве эпитета к любому понятию (переходя от главы к главе, он обсуждает *аффективные аранжировки, аффективные атмосферы и нарративы, даже фреймворки* у него становится *аффективным*).

Но ни в одном из этих случаев аффект не становится продуктивной аналитической категорией, которая позволила бы автору пойти дальше простой констатации важной роли чувств и эмоций. В книге Бенса теория аффектов дает о себе знать скорее способом письма. К концу книги у читателя вряд ли останутся сомнения в том, что деятельность такого института, как МУС, строится на создании и поддержании некоторого аффективного или эмоционального порядка. Но что особенного в поддержании аффективного режима, характерного именно для таких современных и глобальных институтов? Чем они отличаются от других институтов, поддерживающих собственную легитимность? Какой репертуар для них характерен? Все это во многом остается неясно. Наличие аффекта и его центральная роль прописываются, но не нюансируются.

Однако как способ этнографического письма работа с теорией аффекта кажется довольно убедительной. Во многом на подобное понимание указывает сам автор. В сюжете с заседанием суда он отмечает, что «в каком-то смысле именно наблюдение за собственными чувствами, своей реакцией побудило [его] в первую очередь заинтересоваться сценой со смехом на пленке» (Р. 34–35). Это подводит Бенса к методологической установке, что именно тщательное этнографическое наблюдение позволяет описать создаваемую в зале суда атмосферу, а не представлять процесс лишь как обмен высказываниями. Универсалистский пафос теории аффекта приводит к созданию современной холистической этнографии в духе Малиновского, описанию событий и процессов в их целостности, при этом без возможности наблюдения за конкретным сообществом. Такой способ письма видится удачным для распределенной этнографии и для освещения проблем, о которых пишет Бенс. За счет использования разных типов материалов и способов работы с ними удастся создать крайне убедительную картину.

В отличие от социолингвистических исследований права, подобный стиль письма с воссозданием аффективных аранжировок позволяет подняться с уровня микропрактик пусть не напрямую к высокому уровню абстракции (например, от практик цитирования к анализу легитимности и суверенитета, как предлагают некоторые антропологи [Richland 2013]), но к уровню отдельного этнографического эпизода и уловить условия создающихся там и разделяемых участниками аффектов, дюркгеймианского «коллективного бурления». Он также позволяет внутри такого разнопланового текста привести к единому знаменателю анализ речевых актов и нарративов и насыщенное этнографическое описание с акцентом на материальности. В итоге мы начинаем видеть набор элементов, собранных вместе определенным образом для создания правдоподобности или иного коммуникативного по своей сути эффекта.

Рациональность как аффект

Один из главных тезисов Бенса — смысл закона не в том, что он отдает предпочтение рациональности над эмоциями, а скорее в том, что в конкретных ситуациях закон отдает предпочтение определенным аффективным модусам (Р. 45). В этом контексте рациональное само по себе является одним из таких аффективных модусов. Материальные и эмоциональные микропрактики правосудия в значительной степени формируют то, что люди считают правильным и справедливым, создавая правдоподобный «театр правосудия» (Р. 142–143).

Постулируемый автором взгляд на аффективную жизнь закона и справедливости стремится поставить под сомнение классическое для политической философии разделение на право и политику. С одной стороны, есть марксистский подход, разоблачающий право как инструмент поддержания политической ситуации и критикующий *юридификацию политики* [Comaroff, Comaroff 2006]. С другой стороны, существует либеральная традиция, в частности теория делиберативной демократии, ставящая в центр политического процесса сдерживающую деструктивные проявления политики коммуникацию и утверждающая, что рациональная дискуссия и есть политический процесс (Р. 139–140). Соответственно эти два подхода, если смотреть на их аффективную составляющую, могут быть представлены как полный страстей подход левых¹ и холодный, строгий либеральный подход. Описывая правовые механизмы как по своей сути

¹ В качестве эпиграфа к шестой главе Бенс приводит красноречивую цитату из Маркса: «Война немецким порядкам! <...> В борьбе с ними критика является не страстью разума, она — разумом страсти. <...> Критика выступает уже не как самоцель, а только как средство. Ее основной пафос — негодование, ее основное дело — обличение» [Маркс 1955: 416–417].

аффективные и саму рациональность как аффект определенного рода, Бенс пытается снять это противоречие.

Проблематизация разделения рациональности и эмоций в контексте работы такого глобального института, как МУС, подводит автора к рассуждениям в русле постколониальных исследований. Отталкиваясь от критических тезисов Саида, Столер и других исследователей, Бенс призывает антропологов «заняться критикой современности, которая была бы более фундаментальной, чем просто щедрое признание существования рациональности за пределами Европы», как это делает концепция множественной современности Эйзенштадта (Р. 168). Тем самым Бенс переиначивает замысел Латура по исследованию современных институтов, сдвигаясь к анализу рационального как формы аффективного. По его мнению, это позволит ответить на вопрос о соответствии концепций современности, развивавшихся в европейской мысли с XVII в., тому миру, в котором мы живем. Описание современной ситуации глобальной экономики как «поздней» («поздний капитализм», «поздний либерализм»), пишет Бенс, не должно заканчиваться констатацией того факта, что старые категории находятся в кризисе, что рациональность западного образа жизни слабеет перед натиском «новой аффективности» на Западе и в остальном мире (Р. 169–170). Вместо этого он призывает исследовать саму рационализирующую современность, либеральную этику и либеральное право как изначально определенного типа аффект, т.е. «провинциализировать» не Европу, но сами институты модерна и заложенный в них принцип рациональности.

Надо сказать, что завершающая книгу критика современных институтов как изначально аффективных выглядит не только недостаточно проработанной, но и избыточной. Из-за отсутствия продуманного теоретического аппарата («аффект» и «чувства» остаются ярлыками) добротная этнография глобального института не дает убедительных оснований для подобной критики. Авторские выводы под конец тонут в перечислении различных подходов к пониманию модерна и ситуации постколониализма. Не предлагая убедительных аргументов за или против какого-либо из них, Бенс помещает их в ряд многочисленных концептуализаций современности. Кажется, автору стоило бы уделить больше внимания разработке «среднего» уровня анализа и собрать вместе оставленные по ходу работы потенциально продуктивные идеи (нормативность эмоций, рассуждения о легитимности правосудия и достоверности доказательств). При анализе изучаемого им глобального института Бенс также упускает ряд важных аспектов, выходящих за рамки аффективной работы МУС, но необходимых для понимания его функционирования, — неизбежность опоры суда на силовые структуры

национальных государств, экономическое положение стран Африки и их «проницаемость» для международных институтов. Несомненным преимуществом работы тем не менее видится сопровождающая читателя авторская рефлексия об используемых методах и категориях, которая позволяет рассматривать монографию Бенса как пример создания проработанной мультилокальной этнографии глобального института.

Библиография

- Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: НЛЮ, 2024. 400 с.
- Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 414–429.
- Bens J. *The Indigenous Paradox: Rights, Sovereignty, and Culture in the Americas*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2020. X+280 p.
- Comaroff J., Comaroff J. (eds.). *Law and Disorder in the Postcolony*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2006. X+339 p.
- Mertz E. Language, Law, and Social Meanings: Linguistic / Anthropological Contributions to the Study of Law // *Law and Society Review*. 1992. Vol. 26. No. 2. P. 413–446.
- Nussbaum M.C. *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. N.Y.: Cambridge University Press, 2003. 751 p.
- Richland J.B. Jurisdiction: Grounding Law in Language // *Annual Review of Anthropology*. 2013. Vol. 42. P. 209–226. doi: 10.1146/annurev-anthro-092412-155526.

Никита Шевченко

A Review of Jonas Bens, *The Sentimental Court: The Affective Life of International Criminal Justice*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022, XIV+250 pp.

Nikita Shevchenko

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
nshevchenko@eu.spb.ru

The book by Jonas Bens examines the work of the International Criminal Court. It focuses on the trial of Dominic Ongwen, responsible for the massacre of civilians in Africa. The fieldwork for the study took place in The Hague and Northern Uganda. It allows

Bens to describe both the procedures of international justice and the reactions to them in detail. By presenting a rich ethnography of the institution, the author seeks to bring to light the role of feelings and emotions in legal procedures and global organisations that proclaim the rationality and universality of their approaches. Bens draws on from an anthropology of law and emotion studies, and, in an effort to overcome their logocentrism, turns to theories of affect. However, while stating the importance of affect, the author merely labels it, without creating a working conceptualisation that would allow for the specification of knowledge about affect in global justice. The author's criticism of modernity in the last part of the book, which exposes its rationality as a particular form of affect, also seems unconvincing.

Keywords: affect theory, International Criminal Court, ethnography of the court, legal studies.

References

- Bens J., *The Indigenous Paradox: Rights, Sovereignty, and Culture in the Americas*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2020, X+280 pp.
- Comaroff J., Comaroff J. (eds.), *Law and Disorder in the Postcolony*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2006, X+339 pp.
- Low S., *Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place*. London; New York: Routledge, 2017, 276 pp.
- Marx K., 'Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung', Ruge A., Marx K. (hrsg.), *Deutsch-Französische Jahrbücher*. Paris: Bureau der Jahrbücher, 1844, SS. 71–85.
- Mertz E., 'Language, Law, and Social Meanings: Linguistic / Anthropological Contributions to the Study of Law', *Law and Society Review*, 1992, vol. 26, no. 2, pp. 413–446.
- Nussbaum M. C., *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. New York: Cambridge University Press, 2003, 751 pp.
- Richland J. B., 'Jurisdiction: Grounding Law in Language', *Annual Review of Anthropology*, 2013, vol. 42, pp. 209–226.
doi: 10.1146/annurev-anthro-092412-155526.